

Толстой Л. Н.

29.4.01

66

СЛОВА ТОЛСТОГО

В прошлом 1909 году, в те времена, когда Лев Толстой уже сказал свое «Не могу молчать», когда все мы, средние и маленькие, одинаково поверили, что нельзя молчать, — в те времена случилось мне напомнить читателям «Речи» о статье Жуковского «Смертная казнь». Старая статья — и такая жутко-новая, такая сегодняшняя.

Убежденный православный церковник, Жуковский открыто воздвигает защиту смертной казни на двух камнях — Православии и Самодержавии. Он идет до конца: он хочет привлечь историческую церковь к самому явному участию в смертной казни, чтобы окончательно «освятить», превратить ее — «акт любви христианской» — в церковное христианское «Таинство».

И хотелось мне услышать, что думает об этом великий христианин — Лев Толстой. Моя статья была послана ему вместе с письмом, содержание которого мною теперь почти забыто, но о котором нужно упомянуть для того, чтобы яснее был ответ Толстого.

Если он, думалось мне, один из всех нас знает самые сильные слова, умеет их говорить — то пусть же и говорит, не уставая, не переставая, не за одного себя, а и за нас, маленьких, полунемых. Мне казалось, что и от одних слов — сильных слов сильного человека — может измениться жизнь. Что слова-звуки, падая на камень, могут источить его, пошатнуть это верное основание виселиц, рядом с которыми ни сам Лев Толстой, ни все мы не можем больше жить и дышать.

Так нам казалось, что мы не можем. И все мое письмо было просьбой о неустанной, непрестанной помощи — словами.

Думаю теперь, что он дал больше, чем мы умели просить. Думаю, что для него слова были не то, что для нас. Он, кажется, ведал особую тайну; невнятную, непонятную нам тайну слова во плоти. И было оно у него не звук, не мысль выраженная, не движение души даже — нет, каждое его слово рождалось, как живое существо, тяжело, трудно, кроваво. Он один был с этой тайной. Мы едва могли, едва можем в редкие минуты угадывать, что она есть. Но и смутное прикосновение уже заставляет вздрагивать сердца живых: вздрогнули же мы все, люди, наполняющие землю, в эти наши последние дни.

Вот что ответил мне на мою просьбу о словах Лев Толстой.

Белый конверт со штемпелем Ясенки (так. — Ред.). Несколько строк секретаря Гусева о том, что Лев Николаевич знает статью Жуковского, всегда возмущался ею, писал о ней («Царство Божие», стр. 128), находит, что хорошо было напомнить об этом «ужасном кошунстве», и т. д. Наконец — страница высокого, связанного, знакомого почерка, такого знакомого всем:

Я последние дни чувствую себя очень слабым от возобновившегося нездоровья, в сущности от старости, но хочется самому написать вам хоть несколько слов в благодарность за вашу статью и в особенности хорошее письмо.

Стараюсь сколько умею и могу бороться с тем злом подставленной церковниками лжи на место истины христианства, на которое вы указываете, но думаю, что освобождение от лжи достигается не указанием на ложь лжи, а на полное усвоение истины, такое, при котором истина становится единственным или хотя главным руководителем жизни, как линия у животных. Дружески жму вам руку. Рад общению с вами.

Лев ТОЛСТОЙ

Зинаида ГИППИУС

русской открыл нам глаза на Того, Кто истина и путь. «Истина сделает вас свободными...»

Вздохнула родная земля единой грудью. «Я ухожу, — сказал Толстой, — но в жизни остаются люди, которые будут делать то, что я делал, и, может быть, им удастся достигнуть того, к чему я всегда стремился».

Эти люди — все мы, вся Россия, кроме отверженных, отлученных от нее. И не надо слов больше, после слов Толстого.

Не будем говорить.
Будем делать.

Журнал «Русская мысль»
1910. № 17

Кобяков газ. — 29.4.01 — 29 апр. — С. 6